

НЕОКОНЧЕННАЯ РУКОПИСЬ ЯКОВА РУБАНЧИКА

Юлия Кашаверская

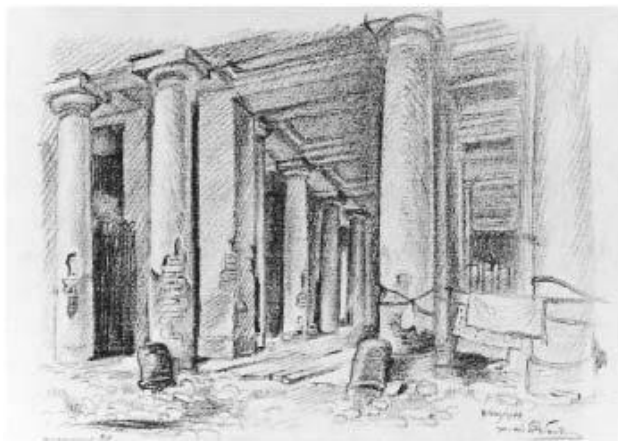

Я. О. Рубанчик. (1940-е гг.)
Фото из семейного архива

Любой уголок нашего города, будь-то дворы, парадные лестницы или здания-памятники – овеян своей историей. И человек творческий, каким, несомненно, был архитектор Яков Осипович Рубанчик, зарисовав увиденное, невольно воздействовал на читателя задуманной книги «Незнакомый Ленинград». Имя этого мастера, работавшего в 30–50-е годы прошлого столетия, известно более всего в узко-архитектурной среде. Правда, пять лет назад вышла прекрасная книга «Архитекторы об архитекторах» (сост. Ю. И. Курбатов), в которой присутствует статья Е. М. Свердловой «Яков Рубанчик».

Яков родился 17 июня 1899 г. в Таганроге в семье владельца фотографии. Двадцати девяти лет от роду по окончании Академии художеств Рубанчик получил звание художника-архитектора. Оценить его в этом качестве помогают рисунки, сохранившиеся в нашем секторе информации и популяризации памятников (СИиПП Комитета ГИОП). Но более всего интересна задуманная Яковом Осиповичем задолго до войны книга «Незнакомый Ленинград». В нее должно было войти шесть глав. Работа над рукописью продолжалась даже в тяжелую военную пору, причем летом 1943–44 гг. художник выполнил серию изображений неисследованных или малоисследованных памятников и уголков нашего города. Рубанчик работал до последних дней своей недолгой, но очень плодотворной и творчески насыщенной жизни. Смерть, последовавшая 20 декабря 1948 г., не дала завершить начатый альбом.

Материалы к задуманной книге, где автор надеялся рассказать о малоизвестной или вовсе неизвестной архитектуре дворов, парадных лестниц, «усадеб, не тронутых временем», бережно сохранила племянница архитектора Елена Михайловна Свердлова. Рубанчик писал: «В беспредельно разросшейся за 245 лет существования каменной массе застройки, много красивого, настоящего, уютного: усадьбы, дошедшие от старины, жилые дома и хозяйственные постройки, склады, и парковые затеи. Но еще больше заурядного, с

Илл. 1. Фрагмент двора дома по наб. р. Фон- виду ничем не примечательного: доходные танки, 84. Рис. Я. О. Рубанчика, 1944
дома с дворами-колодцами, жалкие скверики, гаражи... Многие из них напоены жизнью, историей, событиями и памятными эпизодами. С ними связаны имена великих людей: полководцев, писателей, зодчих, художников, ученых; наши классики связывали героев своих литературных произведений со многими конкретными адресами, существующими и поныне. Редко и мало кто из ленинградцев заглядывает в эти уголки и знает их так же, как знает все, что на виду. Задние фасады, дворы и квартиры, залы и вестибюли, лестницы и пр., как раз, являются тем народным искусством, которое может служить не только постоянным источником вдохновения для художника, создающего Ленинград, но и кладезем основательно забытого, поэтому всегда нового». Первая глава получила название «О чувстве локтя». В ней повествуется о Воронцовском

дворце и Мальтийской капелле, построенных в разное время разными зодчими. Рубанчик справедливо замечал: «Кваренги смело водружал свои постройки в самую гущу барокко. Везде, где бы ни ставил он их, везде и всюду оставаясь самим собой, уважая и чтя соседа, он корректно входил в эту, уже до него сложившуюся среду и вписывался в нее».

Илл. 2. Двор дома по наб. р. Фонтанки, 94.
Рис. Я. О. Рубанчика, 1943

Вторая глава повествует о криволинейности и пластичности застройки Ленинграда. «При всей чопорности, строгости и стройности в архитектуре прошлого нашего города в его градостроительных замыслах заложено много жизнерадостного начала: живописность, пластичность, динамика, мягкость, оптимизм и человечность. В первый период строительства Петербурга архитектура была барочной, т. е. пластичной и динамичной, а по декору жизнерадостной и роскошной. На смену пришел строгий классицизм, но от барокко осталось стремление к динамике и подвижности. Отсюда, – пишет Рубанчик, – изгибаются стены в размашистые кривые формы, закругляются в плане переходы и углы, корпуса сворачиваются в подковы, дворы задумываются круглыми или многогранными, колоннадам и оградкам придаются живые пружинящие формы. Сама архитектура должна быть радостной. Поэтому в северном городе в условиях туманов и пасмурных дней появляется кирпичная, а не каменная архитектура, дающая возможность окрашивать штукатурку в яркие цвета. Но не только внешняя архитектура города пластична. Стремление к динамике и мягкие формы вносятся и внутрь здания: круглые лестницы, круглые залы отдельных зданий и усадеб, многие классические церкви кубические по форме внутри имеют залы в форме ротонд. Архитектура зданий, построенных на берегу рек и каналов, пересекающих город, повторяет причудливые изгибы этих водных протоков» (илл. 2).

Очередная глава посвящена домам галерейного типа. Многие старинные здания внешне строгие и простые с первого взгляда, поражали автора неожиданной архитектурой: «Такие дворы не похожи на обычный двор-колодец со стенами, «издырявленными» окнами. Это открытые или застекленные галереи в три-четыре яруса, покоящиеся на каменных столбах или многоярусных аркадах. Они придают фасаду глубину и третье измерение, в тоже время от такого типа постройки веет уютom жилья» (илл. 3). Далее Рубанчик описывает скромный четырехэтажный дом № 84 на Фонтанке (илл. 1). Единственное украшение лицевого фасада – это пара колонн дорического ордера по бокам ворот. Но за воротами в проезде во двор, как отмечал автор, «возникает лес мощных дорических колонн, силуэтно рисующихся на залитых солнцем дворовых фасадах». Особый интерес он проявляет к застройке главной магистрали города. В 40-х гг. XX в. Невский проспект и прилегавшие к нему кварталы были насыщены галерейными домами с аркадами в первых этажах, создавая практическое удобство обитателям столицы: в жару и дождь можно было укрыться в галереях.

Илл. 3. Двор дома по Мучному пер., 3. Рис. Я. О. Рубанчика, 1944

Четвертая глава повествует «об усадьбах, не тронутых временем». Художник беглым взглядом окидывал усадьбы по набережным Фонтанки и Мойки. На углу Невского проспекта и

Мойки расположился Строгановский дворец Растрелли. Далее – дворец Разумовского, чьи флигели соединены высокой оградой с монументальной каменной аркой. Изгиб речки скрывает дальнейшую застройку. Отрезок до ул. Дзержинского сохранился с начала прошлого века нетронутым. Время и люди пощадили эти участки старого города: «Здесь с необыкновенным чувством умиротворения и покоя можно пройтись в золотую осень, когда вековые клены и липы за оградой осторожно сбрасывают на гранит тротуара легкие листья и они, не подметенные, шуршат под ногами. Здесь почти нет звуков города. Здесь малоллюдно и спокойно».

Илл. 4. Лестница дома по 1-ой линии, 8. Рис. Я. О. Рубанчика, 1944

Пятую главу Яков Осипович озаглавил «О глазах, которые не видят». В ней он собирался рассказать о лестницах, вестибюлях, домовых церквях, деталях, наметив ряд адресов, в каждом из которых есть что-то особенное. Зайдя в дом № 40 на Фонтанке, попадаешь в как будто ничем не примечательный вестибюль. Но вот «курьезная» лестница: «ее марши, ступени ввинчиваются в пятый этаж по спирали. Они поддерживаются снизу вверх поставленными друг на друга красивыми колоннами. Чудесное кружево железной решетки уступчато бежит, послушно повторяя спираль лестничных маршей». Эта лестница хранит следы Белинского, Писемского и других знаменитостей. На Васильевском острове художник изобразил парадную лестницу дома купца Н. С. Блинова (1-я линия, 8). Полуарки лестничной площадки опираются на колонны дорического ордера. Над аркой площадки второго этажа сохранился кронштейн для фонаря, освещавшего лестницу. В первой половине XIX века в этом доме жил и умер баснописец И. А. Крылов (илл. 4). Последняя глава названа «О Брюллове и Фомине». Если пройти по Съездовской линии, можно увидеть красивый трехэтажный дом. Читаем: «Его архитектура великолепна. Он строен, скромн, и одновременно полон неизъяснимой мягкости. Маски над окнами, фронтоны, пилястры, чудесная решетка балкона, – все это выдает замечательного мастера, строившего этот дом». На фасаде памятная доска: «Дом построен в XVIII веке и переделан в середине XIX века архитектором А. П. Брюлловым». Здание это, особенно дворовые постройки, претерпели изменения. Но кое-что, как замечает Рубанчик: «остатки замшелых мраморных колонн, гранитный цоколь», – напоминает о прежнем богатом владельце участка. Вот каким видится Якову Осиповичу это строение: «В углу двора дверь. Она ведет на мраморную полукруглую лестницу с забитыми ступенями. Полукруг лестницы вписан в прямоугольный объем. Оставшиеся свободными от ступеней места по углам украшены красивыми вазами. На верхней площадке дверь красного дерева, изящных пропорций, красивой рисовки с эффектной «раскладкой пламени» фанеры. Здесь квартира А. П. Брюллова, архитектора его Величества, академика архитектуры, профессора Академии художеств. Миланская Академия Художеств избрала его своим членом и членом Королевского института архитекторов в Англии». На лицевом фасаде дома, в центре, на втором этаже выделены три окна с изящным балконом. Это огромный зал, Помпейский, с высоким расписным потолком и двухсторонним освещением: три окна на улицу и три во двор, с великолепным камином, обработанным полированным лабрадором, с красивым, в клетку набранным паркетом. Здесь рождались проекты лютеранской церкви Петра и Павла на Невском проспекте, павильоны Пулковской обсерватории, внутренней отделки Михайловского театра и другие работы архитектора. Автор считает, что творчеством А.П.Брюллова «закончилось самое красивое, чем можем мы гордиться в русской архитектуре. После него, вернее с ним, начался упадок. Вместе с уходом его из жизни в 1877 г., опустился занавес над блестящей страницей русской архитектуры, ее расцветом, какого, пожалуй, Россия не знала». По мнению Рубанчика, дея-

тельность этого мастера совпала с периодом перехода петербургского классицизма к упадочнической эклектической архитектуре, когда зодчие обращались к разнообразным стилистическим поискам. Прошло полвека, и по случайному совпадению на той же Съездовской линии недалеко от дома А. П. Брюллова, в доме № 29, и тоже на втором этаже, поселился другой архитектор. «Одному зодчему суждено было завершить один из блистательных периодов русской архитектуры, другому стать провозвестником новых идей, новых мыслей, опиравшихся на славное прошлое Петербурга и России». Этот человек – Иван Александрович Фомин. Его высоко ценил А. Бенуа, называя «явлением, которое бывает раз в сто лет». К сожалению, об этом архитекторе Яков Осипович, ученик Фомина, рассказать не успел.

Заключение оставлено автором в небольших набросках. «Что же такое ленинградская архитектура?» – вопрошает Рубанчик, отвечая себе: «Это большие линии архитектуры, масштаб, выверенный человеком и чуть-чуть взятый для столичности несколько преувеличенным, размах, ясность мысли, художественная логика, преемственность и здоровая тектоника. Ленинградская архитектура – это еще и высокое архитектурное качество, это высшая форма архитектуры: планировка + ансамбли + красивая архитектура зданий».

Автор приносит благодарность Е. М. Свердловой за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью, а также фотографу В. Ф. Егоровскому за репродуцирование рисунков Я. О. Рубанчика.